

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С34

С34

Сидак, Валентин Антонович.

Кукловоды и марионетки. Воспоминания помощника последнего председателя КГБ Крючкова / Валентин Сидак. — Москва : Родина, 2019. — 432 с.

ISBN 978-5-907149-24-3

С 1983 по 1988 год Валентин Сидак был помощником руководителя Первого Главного управления (внешняя разведка) Владимира Крючкова. Когда последний возглавил Лубянку, то автор занял пост начальника Секретариата КГБ. Благодаря своему служебному положению он был свидетелем ключевых моментов и знаковых событий в отечественной истории, о которых знал лишь сильно ограниченный круг лиц. Более того, большинство свидетельств не сохранилось в архивах, так как об этом позаботились непосредственно сами начальники и исполнители.

Какие события в высших эшелонах советской власти предшествовали распаду СССР? Контролировал ли Михаил Горбачев ситуацию в стране весной 1991 года или избегал принимать жесткие политические решения? Были ли Горбачев — Яковлев — Шеварднадзе агентами влияния, которые по приказу Запада развалили СССР или они «хотели как лучше, но получилось как всегда»? Мاسоны в современной России: тусовка для любителей костюмированных вечеринок и таинственных ритуалов или реальная политическая сила? Впервые Валентин Сидак ответил на эти и другие вопросы.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-907149-24-3

© Сидак В.А., 2019
© ООО «Издательство Родина», 2019

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

Сидак Валентин Антонович
КУКЛОВоды И МАРИОНЕТКИ
Воспоминания помощника
последнего председателя КГБ Крючкова

Редактор С.В. Чертопруд
Художник Б.Б. Протопопов

Смотрите книжные новинки на сайте <https://Rodina-izdat.ru>

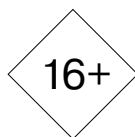
ООО «Издательство Родина»

Оптовая торговля:
ООО «Издательство Родина» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: Rodina-izdat.ru
Электронная почта: Rodina.pbl@gmail.com

Өндүрген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 14.02.2019. Формат 84x108^{1/32}.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,68.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-907149-24-3

СОДЕРЖАНИЕ

Суд памяти	6
Предисловие	16
Узелок первый	42
Узелок второй	66
Узелок третий	94
Узелок четвертый	141
Узелок пятый	187
Узелок шестой	216
Узелок седьмой	261
Узелок восьмой	328
Примечания	420
Об авторе	430

СУД ПАМЯТИ

«Узелки на память»¹. Звучит непритязательно. И в этом нет ни грана позёрства Валентина Антоновича Сидака. Мне посчастливилось его знать уже более четверти века, поэтому могу подтвердить: человек действительно скромный, никогда себя не выпячивающий. Каким было наше знакомство, я даже не помню. Знаю только, что к нему причастны два близких мне человека: Валентин Александрович Купцов и Андрей Петрович Филиппов. Их уважительные слова о Сидаке (а это уже знак качества человеку) действительно запомнились сразу.

Валентин Александрович Купцов в те годы работал первым заместителем председателя ЦК КПРФ, а потом ещё и заместителем председателя Государственной Думы. Обычно слегка ироничный, он о Валентине Антоновиче говорил серьёзно, подчёркивая прежде всего его аналитический дар. Заведующий международным отделом ЦК КПРФ А.П. Филиппов (он создавал этот отдел и возглавлял его до последнего дня своей жизни) при всей своей подвижности, эмоциональности, человеческой неумности о Валентине Сидаке тоже говорил всегда серьёзно, и тоже подчёркивал его исключительные аналитические способности. Так, часто общаясь на территории фракции КПРФ Госдумы, мы постепенно сближались друг с другом, хотя я долгое время толком ничего не знал о его прежней, «советской» жизни.

Наши отношения приобрели деловой характер в пору одной из очередных вспышек политических спекуляций вокруг «секретных протоколов» к пакту Молотова – Риббентропа. Во время одного из разговоров в кабинете А.П. Филиппова какие-то фразы В.А. Сидака на эту тему меня особенно «зацепили». «Может быть, нам сделать интервью

для «Правды»? – не очень настойчиво обратился я к собеседнику. В ответ услышал уверенное согласие.

Было приятно «расшифровывать» потом запись далеко не короткой беседы. Но сегодня для меня важно подчеркнуть даже не её содержание, а то, как относился к ней Валентин Антонович. Он был очень внимателен и строг к каждому сказанному слову. В целом правка получилась небольшой и касалась в основном малозначительных деталей. Но подправленные им частности делали весь материал не только точнее, но и гораздо весомее. Кстати, тогда и узнал последнюю должность В.А. Сидака в Комитете государственной безопасности СССР. На вопрос, как его представить в газете, Валентин Антонович сказал: «бывший начальник секретариата КГБ СССР». Видно, на моём лице промелькнуло недоумение, а он пояснял: «Секретариат» в КГБ — это некое подобие Генерального штаба в Вооружённых Силах. Мощная структура, имевшая свои собственные внутренние подразделения. Одна «Дежурная служба КГБ СССР» чего стоит. В Министерстве обороны Ответственный дежурный — генерал-полковник, а я своим четырёх Оперативным дежурным КГБ СССР даже «вилочную» должность «полковника-генерал-майора» так и не смог пробить, несмотря на все старания. А ведь каждый из них мог объявить «боевую тревогу» по всем территориальным органам и войскам КГБ СССР. Не зря ведь один из руководителей Дежурной службы КГБ СССР сразу «сел в кресло» Председателя одного из крупнейших республиканских управлений КГБ. А тут ещё и «Особая папка» со своим собственным участком шифровальной службы 8-го Главка, группа Коллегии, которая готовила все заседания высшего оперативного состава Комитета, своя собственная группа фельдсвязи, мощная юридическая служба и многое другое».

Общие очертания этой структуры, нарисованные собеседником, впечатляли, хотя он постоянно подчёркивал их компактность.

В общем, первый блин нашей совместной выпечки во все не был комом. Потом к этой теме мы возвращались

ещё несколько раз. Примечательно, что после каждого такого возвращения обязательно появлялся рассказ о новых очень важных особенностях событий 1939 года, которые обогащали не только «массового читателя», но и профессиональных историков. Мне кажется, вернись мы сейчас к теме «секретных протоколов», Валентин Антонович снова нашёл бы новые, неосвещённые пока аспекты проблемы, которые наверняка внесли бы элемент новизны в уже достаточно «избитую» тему. И ещё одна важная деталь: по большому счёту моё участие в создании этих публикаций было весьма скромным: Валентин Антонович самостоятельно и неплохо владеет пером. Но он всегда настаивал именно на беседах, напоминая журналистскую «истину»: подобные материалы читаются с гораздо большим интересом, чем монологи. Я и сейчас с уважением отношусь к этому сотрудничеству, и готов его продолжать и далее.

Потом была ещё одна наша совместная работа, о которой не могу не сказать. В номере «Правды» за 2–5 сентября 2016 года вышла наша беседа «Этот противоречивый ГКЧП». Она была приурочена к 25-летию трагических событий августа 1991 года. С Валентином Антоновичем к тому времени у нас сложились добрые человеческие и доверительные творческие отношения. Но на этот раз Валентин Сидак меня поразил: он рассказывал о том, чего раньше при нашем общении просто не касался.

Валентин Антонович доставал из кладовой своей памяти такие факты, которые производили весьма сильное впечатление. А ведь в теме ГКЧП я не был пригодишкой: было прочитано немало книг, не говоря о публикациях, вышедших в газете «Правда»; на эту горячую тему я брал интересные интервью у Г.И. Янаева и А.И. Лукьянова...

Признаюсь: эти события до сих пор сидят занозой в сердце и душе: до сих пор считаю каждого члена КПСС ответственным за сдачу классовому супостату завоеваний социализма и Советской власти. А мой партстаж к августу 1991 года был уже более четверти века.

Наша беседа с В.А. Сидаком о ГКЧП продолжалась несколько часов и проходила не в один присест. До сих пор благодарен судьбе, что, хотя бы частично, оказался сопричастен к появлению этой публикации. Чтобы подтвердить, насколько она политически и исторически значима, приведу некоторые её фрагменты, которые, думается, и сегодня ещё не стали устоявшимися фактами общественного сознания.

Первый фрагмент связан с возможностью своевременного проведения, 23 или даже 22 августа 1991 года, экстренного заседания Верховного Совета СССР. Валентин Антонович в беседе настаивал, что «у Верховного Совета СССР и в августе, сентябре, октябре и даже после Беловежского сговора были и право, и обязанность действовать в качестве единственного конституционного органа власти Союзного государства».

Мне такая постановка вопроса показалась абстрактной, и я возразил: «Давайте сегодня в отношении парламента-самоубийцы поступим по пословице: о мёртвом либо хорошо, либо ничего. К тому же в горячие дни он не участвовал в решении судеб великой страны».

И вдруг в ответ услышал:

«— У А.И. Лукьянова, что бы он ни говорил сейчас, была полнейшая возможность даже при строжайшем, самом скрупулёзном соблюдении всех регламентных норм открыть экстренное заседание Верховного Совета СССР не 26, а 23 или даже 22 августа 1991 года. Были абсолютно надёжные гарантии обеспечения необходимого кворума для открытия такого заседания и начала его работы.

— *Валентин Антонович, это каким таким чудесным способом Анатолий Иванович мог собрать депутатов с просторов необъятной державы?*

— Его дело было принять решение о немедленном созыве внеочередной сессии по требованию народных депутатов группы «Союз» и обнародовать его. А как собрать депутатов — это была бы забота уже не Председателя Верховного Совета СССР.

— ?

— За основу организационного решения проблемы сбора депутатов был принят уже обкатанный к тому времени механизм чрезвычайного сбора членов ЦК КПСС. Предполагалось собрать в Кремле максимально возможное число депутатов действующего состава Верховного Совета СССР, используя для этого любые виды транспорта. Они были бы экстренно доставлены в столицу из любых мест пребывания — хоть из глубинки страны, хоть из-за рубежа. Ради этого не посчитались бы с величиной затрат. При необходимости задействовали бы транспортные средства всех силовых структур: министерств обороны и внутренних дел и КГБ СССР. Практическая готовность к осуществлению такого сбора депутатов к августу 1991 года была очень высокой.

— *Из ваших слов выходит, что вопрос об обеспечении кворума Верховного Совета СССР обсуждался и был предпринят?*

— Именно так. Но требовалось решение Лукьянова. А он не захотел. Видно, тоже носом стал крутить в разные стороны на всякий случай, соломку для страховки стелить... Не зря в информационной записке КГБ СССР от 20 июня 1991 года, которая была составлена непосредственно по итогам закрытого заседания Верховного Совета СССР (его конкретные результаты явные и скрытые горбачёвцы, в том числе и Лукьянов, успешно «замотали», пустив депутатский пар в свисток), отмечалось следующее: «В окружении Буша также расценили действия Лукьянова во время его визита в Лондон как первую серьёзную попытку начать возможную работу по замене Горбачёва. Они считают, что Лукьянов во время переговоров в Лондоне пытался «показать себя Западу как возможный преемник Горбачёва».

В ходе беседы, чуть позже, В.А. Сидак так обобщил своё видение поведения тех, кому народ доверял руководство Советским государством:

«— Если бы руководители страны — как вошедшие, так и не вошедшие в состав ГКЧП, — действительно выпол-

няли свои государственные и партийные обязанности не по кривому сценарию Горби, с потрохами сдавшего СССР во время своей конфиденциальной встречи с госсекретарём США Дж. Бейкером в конце июня 1991 года, а по своему прямому служебному долгу, по зову своей гражданской и партийной совести, а военные — в строгом соответствии с принятой на себя воинской присягой, результат был бы совсем другим».

Правда, после этой оценки беседа естественно перешла к «главным ролям и их исполнителям»:

«— Ну вот мы и подошли к главным действующим лицам ГКЧП.

— На начальном этапе перестройки все выдвиженцы того периода — Лукьянов и Рыжков, Янаев и Шенин, Крючков и Бакланов, Лигачёв и Болдин — были членами единой горбачёвской команды. В её состав на тех же основаниях входили Яковлев, Шеварднадзе, Ельцин, Медведев и другие. Это уже потом их пути разошлись, а до XIX партконференции принципиальных различий во взглядах между ними особо не наблюдалось.

— *Крючков и Яковлев одинаково убеждённые соратники Горбачёва?*

— Конечно. Да что там Крючков и Яковлев...

Что бы сегодня ни говорили сугубо позитивного о Ю.В. Андропове и столь же негативного о А.Н. Яковлеве, могу с уверенностью утверждать одно, о чём ведаю не понаслышке: инициатива возвращения Яковлева из «ссылки» в Канаду (в 1973—1983 годах он был послом СССР в Канаде. — В.Т.) принадлежала лично Андропову, а не кому-то иному из руководителей СССР. Даже если за него действительно «замолвил словечко» тогдашний секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачёв после своего визита в Канаду, всё равно окончательное решение было за Андроповым. И сия благая весть дошла до канадского «отшельника» не от кого-либо другого, а именно от В.А. Крючкова, его будущего злейшего врага. Работники разведки, которым я привык доверять «на все сто», в цвете описывали мне эту впечатляющую кар-

тину: Яковлев, несмотря на свою хрошую ногу, в своём по- сольском кабинете в Оттаве пустился в пляс, получив ра- достное известие о предстоящем возвращении в Москву «по эстафете» с нарочным из Ясенева...

Другой эпизод. Достоверно знаю (всё это происходи- ло на моих глазах), что А.Н. Яковлев был первым из соста- ва Политбюро ЦК КПСС, кто поздравил В.А. Крючкова с на- значением на пост председателя КГБ СССР. И телефонный разговор двух собеседников носил дружеский, я бы даже сказал, доверительный характер. Чёрная кошка пробежит между ними где-то поближе к концу 1989 года, и причи- ны тому были не только идеологического свойства... По- тому утверждение В.А. Крючкова, датированное 2003 го- дом: «Андропов прямо мне говорил: «Яковлев — антисо- ветчик», — представляется мне сомнительным...

Скажу больше: где-то до середины 1989 года Горбачёв советовался с Крючковым едва ли меньше, чем с Яковле- вым. А объясняется это просто: Горбачёв, будучи выдви- женцем Андропова, опирался на другого его выдвижен- ца — Крючкова. И, скажем так, Владимир Александрович поначалу очень добросовестно работал на Горбачёва».

Обращение к содержанию этой беседы мне представ- ляется очень важным во многих отношениях. Во-первых, оно характеризует высокую осведомлённость автора кни- ги в вопросах, которые он берётся обсуждать. Во-вторых, завязывая узелок, он не способен уподобиться преслову- тому Кузнечнику из сказки Корнея Чуковского. Помните? «А Кузнечик, а Кузнечик, ну совсем как человек: скок-скок, под мосток, и — молчок». Неспособен Сидак прятаться под мосток потому, что он — не человек, а ЧЕЛОВЕК. В-треть- их, та беседа наглядно показывает, как у Валентина Анто- новича накапливались «узелки на память» — из жизни, из её придирчивого осмысления.

А само название это — «Узелки на память» — в дейст- вительности не так уж неприятательно. Не только в лите- ратуре, но и в жизни «узелки на память» завязываются, что-

бы события не ушли в забвение, чтобы они всё время оставались в поле зрения. Читателей. Общества.

Тут вспоминается яркое, большое художественное полотно поэта-фронтовика Егора Исаева «Суд памяти». Получается, что узелки на память завязываются в двух случаях. Во-первых, чтобы стать свидетелями на суде памяти. Во-вторых, чтобы их содержимому оказаться на том суде подсудимым.

Нет, В.А. Сидак нигде не набрасывает на себя судейскую мантию. Он — «только» следователь. Правда, следователь, не столько коллекционирующий факты и фактики, сколько их исследующий. Нет, он не судья, но исследователь процессов, нуждающихся в судебном вердикте. Следовательно, содержимое узелков – это всегда материал для суда. Пусть не для Нюрнбергского трибунала, но всегда — для суда памяти. Памяти общественной. Народной.

Масштаб содержимого «узелков памяти», образующих эту книгу, конечно, не одинаков. Но в то же время автор совсем не роется в хронологической *пыли* бытописания Земли. Следовательно, материал каждого узелка имеет право называться историческим. Он предназначен для суда исторической памяти.

Возьмём наугад несколько «узелков» (я не рискую судить о каждом из них с одинаковой долей уверенности, что мои идеологические позиции полностью совпадут с авторскими), их сближает масштабность событий, о которых идёт речь. Вот экзотические, даже с криминальным привкусом, события из истории отечественного телевидения рубежа 1980–1990 годов. Сколько выразительных, сногшибательных эпизодов! Но за россыпью фактов ёмкая демонстрация того долгосрочного, исторического масштаба, явления, которое называется «оккупация общественного сознания». Это даже не общероссийское, а глобальное явление: расстановка классовых сил в разных странах порой заметно отличается, но при этом всюду в телевидении, радио и прессе правят бал представители антинародной по своей сути идеологии.

Предложенная В.А. Сидаком «линейка» узелков находится одновременно на нескольких уровнях. Причина очевидна: сам исследующий события автор — личность многоуровневая. Помните у Маяковского: «Я — поэт. Тем и интересен, о том и пишу»? Например, читателю, который впервые увидит эту книгу, её автор, в первую очередь, будет интересен тем, что он был помощником председателя КГБ СССР В.А. Крючкова. А потому — даёшь секреты Лубянки! В. Сидак в принципе вполне удовлетворяет эту читательскую потребность. Но для меня Валентин Антонович примечателен и интересен как личность «следующего уровня»: как исследователь-историк. Одна из самых материализованных областей исторической науки — археология. В ней среди многих профессиональных правил есть два вроде бы лежащих на поверхности, но непреложных. Во-первых, каждый очередной слой вскрывается на определённом, научно обоснованном расстоянии от предыдущего. Расширил археолог его произвольно — и в результатах его работы появилась возможность усомниться. Во-вторых, обнаруженные артефакты требуют к себе очень вежливого отношения, «нежной щёточки». Мои наблюдения за работой В.А. Сидака с полученными из анналов КГБ СССР материалами вызывали всё время в памяти образ добросовестного археолога.

И ещё я хотел бы отметить третий уровень автора «узелков»: он старательно разделяет и в то же время не забывает соединить два исторических времени. В.А. Сидак практически не страдает распространённым грехом современных аналитиков: рассматривать события «времен очаковских и покоренья Крыма» с сантиметром сегодняшних представлений о жизни. Он пытается смотреть на них взглядом человека того поколения, которое совершало описываемые им события, явления и процессы. Иначе говоря, он, как правило, сознательно разводит сегодняшнее мировидение от того, которое порождали былые времена и проблемы и которое, возможно, уже кануло в Лету.

Но при всем при этом, В.А. Сидак — глубоко современный человек. Страдающий от заноз, вонзившихся не только вчера, но уже и сегодня. Его «Узелки на память» предназначены человеку, обдумывающему сегодняшнюю жизнь. Они годны и для сегодняшнего суда памяти.

Более того, сегодняшний вдумчивый читатель, развязав некоторые «узелки», осмыслив их содержимое, возможно, завяжет их снова в том виде, в каком это сделал Валентин Антонович. Во многих случаях история ещё не расставила свои акценты, чтобы выносить столь взрывной материал на суд памяти. Эти узелки надо обязательно сохранить для грядущих поколений.

И ещё. Будучи по своему характеру и по своей профессии неисправимым полемистом, я, тем не менее, отказался от оспаривания каких-либо моментов в «Узелках на память». Во-первых, потому, что хотел бы представить читателю не рецензию на книгу, а дать своеобразное представление автора читателям. Во-вторых, мне хотелось хотя бы в нескольких словах рассказать читателю, чем же интересен мой товарищ, написавший незаурядную книгу. Ну, а в-третьих, пусть читатель сам споткнётся на некоторых политических и идеологических буреломах и впадинах. Тогда он серьёзнее будет к ним относиться и в дискуссиях со своими товарищами, и в суровом противостоянии с классовыми противниками.

*Виктор Трушков,
политический обозреватель «Правды»,
доктор философских наук, профессор.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

После почти 20-летнего перерыва попробую сделать очередную попытку заново осмыслить те события в истории страны, к которым в разные периоды своей жизни был в той или иной мере причастен. Иногда самым непосредственным образом, порою — косвенно. Но более всего через регулярное, ставшее на протяжении почти восьми лет привычно-изнурительным занятием — ежедневное прочтение, осмысление, реферирование и подготовку на доклад огромного массива самой разнообразной информации, поступавшей, в том числе и через мои руки, на доклад В.А. Крючкову — начальнику советской внешней разведки и впоследствии Председателю Комитета государственной безопасности СССР.

Мои первые литературные или, скорее, публицистические изыскания сводились главным образом к вполне рациональному действию — я пытался сохранить на бумаге в той мере, насколько на это способна человеческая память, описание ключевых моментов и отдельных знаковых событий отечественной истории, о которых в пору моей работы вначале в разведке, а затем в Секретариате КГБ СССР знал достаточно ограниченный круг лиц.

Ограничение числа посвященных зачастую происходило не столько в силу пресловутой «секретности» информационных сведений, сколько по причине щекотливости самого предмета повествования. В своей служебной практике того периода я мог бы припомнить немало количество эпизодов, когда важнейшие аспекты жизнедеятельности Советского государства излагались на одной— двух страницах машинописного текста, не имевших ни грифа

секретности, ни адресата, ни каких-либо выходных данных исполнителей документа...

Как-то само собой, подспудно родилась идея изложения материала для книги, и появилось ее название — «Узелки на память». Это было некое подобие зарисовок на «вольную тему», еще никоим образом не систематизированный перечень любопытных фактов и свидетельств. Однако именно они, на мой взгляд, могли бы придать большую объемность и выпуклость уже неоднократно описанным к тому времени в прессе событиям и были бы способны поменять, в ряде случаев, знак их оценки обществом на прямо противоположный.

Как ни печально, но где-то растерялась за прошедшие два десятилетия значительная часть этих самых «узелков», и где — одному Господу теперь известно. Надо спасти хотя бы остатки того, что еще удержалось в памяти, решил я хмурым сентябрьским утром печально памятного своей мерзкой погодой и многочисленными природными катаклизмами 2013 года и вновь решительно засел за компьютер.

Припоминаю события двадцатилетней давности, когда общество вплотную приблизилось к опасной черте перехода от раскола и политической конфронтации к открытым формам силового противоборства, к фазе вооруженного противостояния.

«Быть большой беде», — подумалось мне 3 октября 1993 года, когда в расположенном напротив моего дома здании ОАО «Моспромстроя» поздно вечером вдруг зажегся свет в окнах руководящих кабинетов, а на непривычно обезлюдившей улице в самом центре столицы группа каких-то людей из этого строительного холдинга вначале разожгла прямо на асфальте проезжей части улицы костер (ну совсем как балтийские матросы в канонических фильмах советского периода о событиях Октября 1917 года в Петрограде), а затем стала лично и по рации (мобильники были тогда еще большой редкостью) отдавать приказы водителям бетономешалок, поливочных машин и другой крупногабаритной автотехники, которая по-военному